

## Наталья Лясковская

Александр ОРЛОВ:

### Раскрыв как крылья перплёт Псалтыри...

*В стихах Натальи Лясковской так доступно и просто объясняется, что душа есть источник всего человеческого в человеке. Этот жизненный вывод, полученный из опыта внутреннего бытия, даёт чёткое понимание о чувственном образе мира автора. Всё увиденное и услышанное им связано с пережитыми страной и народом событиями, которые оживают в сердце и перевоплощаются в строки. Это духовное, историческое и литературное отражение выделяет Наталью Лясковскую из многих современников.*



### В ЗАЩИТУ МАРФЫ

Для того чтоб Мария молилась, какая-то Марфа  
ведь должна прибирать её келью и воду таскать,  
доводить её ризу до снежности девственной  
парфы,  
натирать полиролем изгибы трибрусовой арфы  
и напевам, направленным к Господу,  
рукоплескать.

Чтобы свечи и ночью и днём грели душу и веру,  
Марфа, глаз не смыкая, лелеет пчелиный уют:  
чистит ульи, зимой утепляет тряпьем и фанерой,  
изгоняет клещей, воскуря фольбексову серу...  
Дым глаза выедает, по темени трутни снуют!

Посадить, возрастить и собрать урожай –  
Марфа, ну-ка!

Пред Мариями выи склоняют драконы и львы,  
но дракон не нажарит блинов, лев не выточит тука,  
не навяжут они витаминных косищей из лука...  
Ведь и праведных чрева без пищи страдают, увы.

А Мария всё молится, руки красиво сложила.  
Что ж я плачу, свои – в дутых венах –  
к груди прижав?  
Разве есть в том вина, что всю жизнь я любимым  
служила  
до горба, катаракты, артроза и млениа в жилах,  
созидаю одну из прекраснейших в мире держав?

Мир на марфах стоит – что ни день его здания хаос  
мы приводим в порядок, любви исполняя устав,  
чтобы зрел для Причастия солнцем насыщенный  
чаус,

чтобы хлеб благодатный, нам данный Христом  
через Эммаус,  
частью Тела Его укреплял наш витальный состав.

Я работы раба – не пророк, не боец, не избранник,  
и, когда я умру, завершив трудовой круг латрий,  
я в торфяник уйду, нет, точнее –  
в астральный марфяник, в тот питательный слой,  
где сквозь райские травы и стланик  
возрастают прекрасные лилии чистых Марий...

Так и что ж тут рыдать, напуская на сердце остуду:  
всяк свою должен ношу нести  
и страданья скрывать. Только чу! –  
место есть и в моей жизни малому чуду –  
слышу звон незатейливый: моет Мария посуду.  
Значит, время и Марфе пришло  
на молитву вставать!

### СТАРАЯ ПЕСНЯ О ВОЙНЕ

*Памяти бабушки моей,  
Анастасии Кирилловны Лукьяновой,  
в замужестве Ревенко*

«Ой, бедная избушка стояла край села,  
а в той худой избушке – там вдовушка жила», –  
так бабушка мне пела, январская метель  
за окнами кипела...  
Тверда была постель:  
между стеной и печкой настил из горбыля,  
под ним – тайник в дощечках, под тайником –  
земля  
тихонечко дышала, пригревшись до весны  
под тёплым одеялом снежнейшей белизны.  
А наше-то – отброски, пестрядинка, лоскут,

их с каждой смены сёстры под кофтой волокут  
и складно так шивают в цветное полотно,  
что и во тьме играет да радуется оно;  
та, что помладше, – Валя, родившая меня,  
та, что постарше, – Надя, крестившая меня.  
«Шли мимо два товарища, просились ночевать:  
Пусти, пусти, хозяйюшка, хоть ночку переспать!»  
И к нам стучались, было, но всем одно в ответ  
Кирилловна рубила: мол, в хате места нет,  
и уходила плакать, хлестнув скобой, в чулан...  
Дед мой родной Иаков и неродной Степан  
с двух карточек взирали, жалеючи её,  
на горькие печали, на вдовье житиё...  
«Простите меня, люди, я с поля поздно шла,  
я печку не топила, гостей я не ждала...»  
Да, помню это поле.  
На тысячи гектар  
кладбище бабьей доли, болото да угар  
работы агрегатной меж буряковых гряд,  
безжалостный, бесплатный, затрудодневный ад!  
Ещё ж своё хозяйство: чтоб прокормить детей,  
скачи, Настасья, зайцем, трудись, не ешь, не пей,  
паши, от боли воя, тyani, небога, гуж!  
Своих-то только двое, приёмных – девять душ.  
Но без разбору масти, Господь свидетель тут –  
всех выходила Настя, все мамою зовут.  
«Не хлопочи, хозяйюшка, спасибо за приём,  
мы ночку поночует, а поутру уйдём!»  
Поцеловав в затылок, гребла меня тесней  
к себе...  
Хоть печь остыла, мне жарко было с ней,  
ладони, словно тёрки, шершавы и грубы –  
не разглядишь под коркой извилины судьбы.  
«А где же муж и дети, где близкие твои?  
Ведь тяжко жить на свете без ласки да любви!»  
Всё было – да и сплыло...  
Один её любил,  
другого полюбила сама, хоть пил да бил.  
Она девчонкой-крохой до нашего села  
из Оренбурга пёхом с семьёй своей дошла.  
Росточком невелика, сухая как чехонь,  
и не царевна ликом, да словно в ней огонь,  
горючей керосину лукьяновская прыть –  
как Ревенкову сыну такую не любить?!  
Уж он лелеял жинку, потворствовал ей так,  
парадные ботинки пошил, он был мастак:  
на крашенных подборах, старинных крепежах,  
в китайках да узорах – иди пляши, душа!  
«Ой, в сорок первом годе, как началась война,  
я мужа проводила, сыночка отдала», –  
так выпевала горько, что вьюга, как вдова,  
ломилась в ставень створки,  
крича печаль-слова...

А дед-то мой Иаков с войны вернулся всё ж.  
С одним отличным знаком – всади сапёрный нож  
фашист ему под печень молоденький, смеяся.  
Прикрыться было нечем – вдохнул  
и рухнул в грязь...  
«Мне в госпитале тужно», – и через месяц он,  
кривой, худой, недужный, догнал свой батальон.  
От Бохумилиц глинных на чешском бережку  
до самого Берлина дошёл с дырой в боку!  
Ни орденов, ни прочих...  
Я как-то не спала –  
и вдруг в архивах ночью медаль его нашла  
простую: «За отвагу».  
На сайте Подвиг.ру.  
И с этой вот бумагой за пазухой помру...  
Обычный пехотинец не знал, что он герой.  
Такой вот украинец был дед Иаков мой.  
Да хрен бы на всё это!  
Но фриц его убил:  
дед прожил только лето – рак печени сгубил.  
Хоть бабушка с развесу корову продала,  
к профессору в Одессу супруга отвезла,  
но врач лишь сгорбил спину,  
в приёмный выйдя зал,  
и даже «цеппелины» трофейные не взял.  
«Они наутро встали, в светёлочку зашли,  
подарки доставали, с поклоном ей несли...»  
Ох, нынче с горькой силой клянусь себя, клянусь –  
что ж я не задарила тебя за ту войну,  
добром не закидала!  
Прости меня, молю...  
И говорила мало, как я тебя люблю.  
На память не спросила твой плюшевый жакет,  
который ты носила незнамо сколько лет,  
из чёрных штор советских, с подкладкой голубой,  
он счастьем моим детским пропах насквозь –  
тобой...  
«Она на них взглянула и вдруг всё поняла:  
родные к ней вернулись, кого давно ждала!»  
И я ждала – вот этой ликующей строки:  
у нашего порога стояли мужики,  
мужья, отцы и братья, деды и сыновья –  
как Родина, как матери, всех обнимала я:  
«Так обними же, жёнушка, ты мужа своего,  
прижми к груди ты, матушка, сыночка родного!»  
Их невозможным счастьем охваченные,  
мы дышали тихо, часто  
в тепле домашней тьмы...  
Мир замирал посконный.  
Лишь в тайнике порой  
меж банок с самогоном шумел мышинный рой,  
вертелся, грыз орехи, вершил дела свои  
да глубоко под стрехой шуршали воробьи...